

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Год издания XVI

№ 35 (967)

ПЯТНИЦА

31

АВГУСТА

1945 года

Цена 45 коп.

Орган Комитета по делам искусств при СНК СССР, Комитета по делам кинематографии
при СНК СССР и Комитета по делам архитектуры при СНК СССР.

РУССКАЯ КЛАССИКА НА АНГЛИЙСКОЙ СЦЕНЕ

В этом году известный лондонский театр «Олд Вик» поставил «Дядю Ваню» А. П. Чехова, а в столице Нижнего Уэльса, в портовом городе Кардифе, прогрессивный театр «Юнити» показал «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского. Эти классические русские пьесы имеют совершенно различную историю на сцене английского театра.

Прежде всего «Дядя Ваня» — наиболее популярная чеховская пьеса в английском театре (тогда как на американской сцене, как известно, наибольшей популярностью пользуется «Вишневый сад»). За последние четыре года в лондонских театрах «Дядю Ваню» ставили три раза. Первый раз эта пьеса на английской профессиональной сцене появилась еще в 1911 году.

Если не считать клубной постановкой отдельных сцен из «Грозы», «На всякого мудреца довольно простоты» в кардиффском театре — первое появление Островского в Англии. До весны 1945 года пьесы Островского не были известны английскому зрителю. Для того, чтобы жемчужина русской классики смогла завестись на английской сцене, потребовались всевозможный драматургии Островского и триумф театральная молодежи Кардифа.

Постановки Чехова и Островского в театрах «Олд Вик» и «Юнити» также совсем различны. И не только потому, что «Дядю Ваню» ставили в одном из лучших лондонских театров с блестящим составом известных артистов (Лоуренс Оливье, Ральф Ричардсон, Сибилла Торндайк, Маргарет Дэйтон и др.), а пьеса Островского была поставлена силами актеров провинциального театра, многие из которых скорее любители, чем профессионалы.

Главное различие этих двух английских постановок заключается в подходе к трактовке русских классических пьес. Режиссер «Дяди Вани»

Джон Баррель несомненно руководился исключительно верной характеристикой драматургии Чехова, которая содержится в словах К. С. Станиславского: «В самом бездействии созданных им (Чеховым) людей таится сложное внутреннее действие».

Но, увы, это оказалось трудно воспринимаемым новшеством, если не для первоклассных артистов, то во всяком случае для английского зрителя.

Критика упрекала режиссера в том, что спектакль оказался медленным в темпе. Много споров разгорелось вокруг, как здесь говорят, «русской паузы»: английский зритель привык к театральным трюкам современных приключенческих пьес и к динамичности комедий, в которых одна неожиданная сцена сменяется другой. Даже в положительной рецензии о «Дяде Ване», появившейся в журнале «Нью Стейтсмен», театальный критик Д. Маккарти указывал: «В спектакле слишком много пауз, некоторые из них драматические, другие — чисто натуралистические».

«Дядя Ваня» А. П. Чехова в Лондонском театре «Олд Вик» (сезон 1945 г.). На снимках: слева — Ральф Ричардсон в роли Войничского, Джон Редман в роли Сони и Лоуренс Оливье в роли доктора Астрова; справа — Сибилла Торндайк в роли няни и Джордж Ральф в роли Телегина. Фото Эгона Викера.

Дядя Ваня и другие типы бессмертной пьесы Чехова нередко встречаются в английской жизни, но англичане — артист Ричардсон, так же как и артист Оливье, — играли русского дядю Ваню и русского Астрова так, как они представляют русских в строю, дореволюционном обществе. Известный театрал, сварливый эстет, Джем Агэйл пишет: «Ричардсон может играть и играл дядю Ваню замечательно, но я не думаю, что он может быть чеховским типом. И я думаю, что это не его ошибка, а ошибка природы театра... И все же я, ничуть не колеблясь, приветствую блестящий образец игры. Согласимся, что Ричардсон, во всяком случае, был русским...» («Сандай Таймс»).

Стремление режиссера и актеров создать бытовую картину из русской жизни — характерная черта чеховской постановки в лондонском театре. Перед зрителем были не литературные или театральные типы, а иностранцы с трудно произносимыми именами. С точки зрения раскрытия

их духовного мира игра выдающихся английских артистов оказалась убедительной.

Новая постановка «Дяди Вани» в Лондоне была встречена сухо. Мне кажется, объясняется это тем, что английский театр упустил самое главное в нашей классической пьесе — чеховскую лиричность, мечту о лучшей жизни, веру в творческие силы человека. Склад души доктора Астрова, дяди Вани, Сони и других остался нераскрытым, а их настроения и переживания оказались плохо понятыми. В драматическом изображении чеховских героев на английской сцене безысходный пессимизм убивает их самое примечательное свойство — тончайшее ощущение жизни и предчувствие более совершенного и радостного будущего.

Театр «Олд Вик» увлекся стремлением показать русских, умело используя для этого многие бытовые детали, и забыл важный момент, на который указывает театальный критик Д. Маккарти: «Не случайно Чехов является в настоящее время самым популярным иностранным драматургом в Англии. Напрасно считают, что герои Чехова понятны исключительно русским. Они так же понятны и доступны другим народам».

По-другому подошли к постановке «На всякого мудреца довольно простоты» в Кардифе. Для постановщика спектакля В. Хардинга и его актеров герои русской классической комедии не были «экзотическими русскими с непременными бородами». Они играли так, как они понимают Глумова, Мамаева, Крутицкого и всех других, тем более, что все эти типы по-своему по-английски, но все еще живы.

На премьере наибольшим успехом пользовалась первая сцена четвертого акта, когда происходит разговор между Глумовым и Крутицким. В антракте я спросил своего соседа, почему публика так живо реагирует на эту сцену. Молодой англичанин ответил: «Таких людей у нас много в Англии, поэтому все и смеется!».

Новый блестящий перевод «На всякого мудреца довольно простоты» Д. Магарыша, передающий с художественной точностью характеры комедии, в большой мере помог актерам понять своеобразие драматургии Островского. К сожалению, этого нельзя сказать про перевод «Дяди Вани», сделанный несколько лет тому назад К. Гарнет.

Может быть в кардиффском спектакле не была показана достаточно полно бытовая сторона русской жизни второй половины прошлого столетия (хотя костюмы были выполнены исключительно хорошо), но удача спектакля заключалась в том, что перед английским зрителем прошли бессмертные сценические образы театра Островского.

«На всякого мудреца довольно простоты» — первая постановка Островского в Англии — имела успех. После нескольких спектаклей в Кардифе театр показывал ее горнякам Нижнего Уэльса. С легкой руки театра «Юнити» через два месяца в небольшом лондонском театре Чантислер была поставлена другая пьеса Островского «Волки и овцы» (тоже в новом переводе Д. Магарыша).

После премьеры спектакля в Кардифе у меня создалось глубокое убеждение, что в недалеком будущем драматургия А. Н. Островского прочно войдет в репертуар английского театра.

Лондон — Кардиф.